

В. П. Курылев

МАТЕРИАЛЫ ПО ЗЕМЛЕДЕЛИЮ КАЗАХОВ МАНГЫШЛАКА В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в.

(К ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОМУ АТЛАСУ СРЕДНЕЙ АЗИИ
И КАЗАХСТАНА)

О земледелии у казахов п-ова Мангышлак, где проживало главным образом большое родовое объединение Малого жуза — адай¹, известно немного. Немногочисленные дореволюционные литературные источники сообщают, что в ряде мест полуострова, природные условия которого мало пригодны для земледелия, казахи наряду с кочевым скотоводством (традиционной и ведущей отраслью их хозяйства) занимались также хлебопашеством. Одно из первых известий об этом содержится в работе М. И. Иванина². Он сообщает, что в некоторых районах Мангышлака казахи и туркмены занимались хлебопашеством. Немногим больше материала содержится у Бр. Залеского — поляка, который за время девятилетней ссылки в Казахстан создал замечательный альбом зарисовок из жизни казахов, изданный им впоследствии с обширными комментариями в Париже³. О наличии на Мангышлаке, главным образом между горными хребтами Актау и Каратау, родников, 160 из которых имели пресную воду, а около 40 — соленую, пишет Кияшко. По его словам, водой из некоторых источников казахи орошали немногочисленные пашни, засеянные пшеницей, ячменем и просом⁴. Р. Карутц, совершивший поездку по полуострову в первом десятилетии XX в., упоминает о том, что казахи занимались хлебопашеством в весьма ограниченных размерах⁵.

Советскими исследователями этому вопросу посвящены две работы. Первая из них принадлежит агрономам М. М. Ищенко и Б. К. Щелокову. На основе материалов, собранных во время экспедиции 1926 г. в Западном Казахстане (в составе почвенно-ботанического отряда Казахской экспедиции АН СССР), они написали специальный раздел о земледелии в книге, посвященной изучению сельского хозяйства Адаевского уезда⁶. Авторы излагают интересные данные о поливном и неполивном (как они пишут, «сухом») земледелии на Мангышлаке, способах обработки почвы и уборки урожая, а также о наиболее распространенных в этом районе сельскохозяйственных культурах. Другая работа на-

¹ В. В. Востров, М. Муканов, Родоплеменный состав и расселение казахов (конец XIX — начало XX в.), Алма-Ата, 1968, стр. 84—88, 248—254.

² М. И. Иванин, Поездка на полуостров Мангышлак в 1846 году, «Записки Русского географического общества», кн. 2, СПб., 1847, стр. 290, 299—300.

³ Бр. Zaleski, La vie des steppes Kirghizes, Paris, 1865, p. 53, 63.

⁴ Кияшко, Очерки Закаспийского края, «Военный сборник», 1897, № 9, стр. 159, 165—166; № 10, стр. 383; № 11, стр. 188.

⁵ Р. Карутц, Среди киргизов и туркменов на Мангышлаке, СПб., 1910, стр. 40.

⁶ М. М. Ищенко, Б. К. Щелоков, Земледелие, в кн.: М. М. Ищенко, И. С. Казбеков, И. В. Ларин, Б. К. Щелоков: Особенности сельского хозяйства Адаевского уезда, вып. VI, Л., 1928.

Таблица 1

Распределение основных сельскохозяйственных культур на Мангышлаке (по годам) *

Год	Пшеница				Просо		Ячмень		Джугара		Овощи	
	озимая		яровая		десяти	пудов	десяти	пудов	десяти	пудов	десяти	пудов
	десяти	пудов	десяти	пудов								
1912	80	5 440	33	2 720	105	7 344	12	84	10	650	43	376
1913	88	4 928	32	1 792	97	6 984	20	960	11	715	50	1 020
1914	100	12 800	135	17 280	110	11 320	25	3 200	30	2 700	57	2 744

* По данным «Приложения к Обзору Закаспийской области за 1912—1913—1914 гг», Асхабад, 1916, № III.

писана советским этнографом В. В. Востровым, который побывал на Мангышлаке летом 1957 г. в составе экспедиции Института истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР. Он сообщает, правда, очень кратко, о системе земледелия, основных сельскохозяйственных орудиях, посевных культурах, способах обработки почвы и оросительных сооружениях, бытовавших до революции у мангышлакских казахов⁷.

Изложенное выше побудило нас написать настоящую статью на материалах, собранных автором во время экспедиции на Мангышлак летом 1972 г.⁸

В природно-географическом отношении территория Мангышлака, так же как и прилегающих к нему п-ова Бузачи на северо-западе и плато Устюрта на востоке, представляет собой типичную зону полупустынь и пустынь, перемежающихся в ряде мест большими массивами песков, среди которых наиболее значительны Бостанкум и Сам. Ежегодное количество осадков, которые выпадают здесь главным образом весной и осенью, даже в наиболее благоприятные годы не превышает 200 мм. В районе невысоких Мангыстауских гор — хребтов Актау и Каратау, идущих параллельно друг другу с северо-запада на юго-восток, можно наблюдать выход грунтовых вод на поверхность в виде родников. Таким образом, Мангышлак по своим естественно-природным условиям мало пригоден для земледелия. Однако до революции здесь бытовало, согласно сообщениям информаторов, не только поливное, но и неполивное (богарное) земледелие.

Земледелием на Мангышлаке более или менее постоянно занимались бедные казахи, не имевшие совсем или имевшие очень мало скота, которые вели в отличие от основной массы скотоводов-кочевников оседлый образ жизни. По словам Р. Карутца, земледелие здесь «не считают почетным занятием»⁹. Кроме бедняков, в наиболее благоприятные годы (когда выпадало много осадков) посевы производили и некоторые из тех казахских хозяйств, которые вообще занимались скотоводством и кочевали.

Казахи сеяли главным образом зерновые культуры: просо, пшеницу, ячмень, джугару, а также в очень ограниченных размерах выращивали бахчевые: арбузы, дыни. О распространении этих культур на Мангышлаке упоминают перечисленные выше авторы, причем наиболее подробные сведения приведены в работе М. М. Ищенко и Б. К. Щелокова¹⁰.

⁷ В. В. Востров, Новые материалы по этнографии казахов-адаевцев, Сб. «Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана», «Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН КазССР», т. 8, Алма-Ата, 1960, стр. 160—161.

⁸ Полевые материалы автора, Архив Ленинградского отделения Ин-та этнографии АН СССР (далее — ЛО ИЭ АН СССР), ф. К-1, оп. 2, д. 964—968.

⁹ Р. Карутц, Указ. раб., стр. 40.

¹⁰ М. И. Иванов, Указ. раб., стр. 296, 299; Княшко, Указ. раб., стр. 188; В. В. Востров, Указ. раб., стр. 161; М. М. Ищенко, Б. К. Щелоков, Указ. раб., стр. 186—193.

По сведениям наших информаторов, основной культурой, выращиваемой здесь, было просо, в меньшем количестве сеяли пшеницу, ячмень, джугару и т. д. М. М. Ищенко и Б. К. Щелоков в своей работе пишут, что преобладающей культурой была пшеница¹¹. Если сравнить данные о выращивании этих культур за 1912 и 1913 гг., то можно прийти к выводу, что пшеница и просо были основными сельскохозяйственными культурами на Мангышлаке (см. табл. 1).

Необходимо отметить, что пшеница и просо преобладали почти во всех районах Казахстана¹².

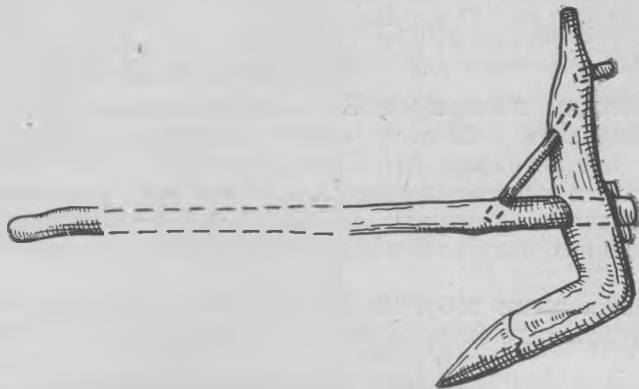

Рис. 1. Деревянное пахотное орудие казахов Мангышлака — шокай агаш

На Мангышлаке высевали два вида проса: *кызылтары* («красное просо»), которое вызревало за 40 дней, и *актары* («белое просо»), созревавшее за 50 дней.

Казахи сеяли как яровую, так и озимую пшеницу, причем первую, по словам информаторов, сеяли в основном в марте, а вторую — в сентябре. Площадь, занимаемая яровой пшеницей, как отмечают М. М. Ищенко и Б. К. Щелоков, превышала посевы озимой только в более благоприятные дождливые годы¹³.

Богарное земледелие было локализовано в основном в предгорьях Актау и Қаратау, как правило, во впадинах и ложинах, где весной скапливалось много воды от таяния снегов и дождей и почва, таким образом, получала достаточный запас влаги¹⁴. Как сообщают информаторы, в некоторых ложинах (по-казахски *ой*) сооружали даже небольшие земельные ограды — *ор* для задержания воды.

Отличительная черта земледелия казахов Мангышлака до революции — отсутствие обработки почвы перед посевом. Согласно сообщениям информаторов, существовало два способа посева зерна в необработанную почву. При первом просо и пшеницу весной просто бросали в трещины, образовавшиеся при подсыхании поверхностного слоя земли после обильных дождей. При втором бросали зерно в грязь, которая еще не успела подсохнуть, а затем прогоняли по этому месту отару овец. О втором способе сообщает Д. Д. Букинич, наблюдавший в начале 1920-х годов на Усть-Урте в низовьях р. Чегана, как «... для заделки

¹¹ М. М. Ищенко, Б. К. Щелоков, Указ. раб., стр. 188.

¹² Л. К. Чермак, Киргизское хозяйство в Степном крае, Сб. «Район железной дороги Петропавловск-Спасский завод в экономическом отношении», СПб., 1912, стр. 245; И. В. Захарова, Материальная культура казахов-колхозников Юго-Восточного Казахстана (по материалам Алма-Атинской и Джамбульской областей), «Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР», т. 3, Алма-Ата, 1956, стр. 110.

¹³ М. М. Ищенко, Б. К. Щелоков, Указ. раб., стр. 186.

¹⁴ Там же, стр. 182.

разбросанных по жидкому илу семян пшеницы просто прогоняли несколько раз стадо баранов»¹⁵. М. М. Ищенко и Б. К. Щелоков также обратили внимание на подобный способ посева в районе р. Чегана. «Семена разбрасываются, — пишут они, — по подсыхающему илу, и по нему несколько раз прогоняется стадо овец. Если после посева стоит не особенно жаркая погода или же перепадают дожди, то семена успевают прорасти и всходы раскуститься»¹⁶.

Важно отметить, что два разных наших информатора указали на одну и ту же лошину — Ауздыбас, расположенную севернее гор Актау, как на место, где казахи в прошлом довольно успешно применяли этот древ-

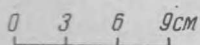
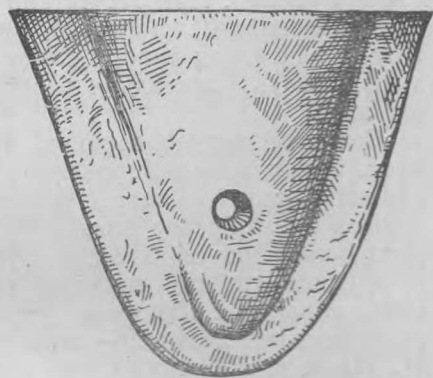

Рис. 2. Литой чугунный наконечник для пахотного орудия — база, или тыс. Из собрания МАЭ № 6701-1

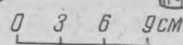
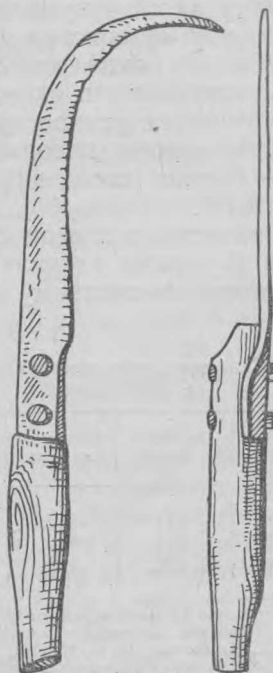

Рис. 3. Серп с зазубренным лезвием — орак. Из собрания МАЭ № 6701-2

ний метод посева зерна. Таким же образом, по их словам, иногда засеивались участки и на урочищах Карасай и Енселе.

Этот способ посева мы зафиксировали также в Восточном Казахстане во время экспедиции 1973 г. Так, Зайнулла Бекжанов из аула Когедай Зайсанского района Восточно-Казахстанской области рассказал, что он сам видел, как один из его старейших родственников — Кутабай поливал свой участок (около одной четверти десятины) водой, а на следующий день сеял просо, затем вместо бороны прогонял по этому месту несколько раз отару овец¹⁷.

Однако в основном землю перед посевом обрабатывали с помощью деревянного пахотного орудия, которое на Мангышлаке называли

¹⁵ Д. Д. Букинич, История первобытного орошаемого земледелия в Закаспийской области в связи с вопросом о происхождении земледелия и животноводства, «Хлопковое дело», 1924, № 3—4, стр. 113.

¹⁶ М. М. Ищенко, Б. К. Щелоков, Указ. раб., стр. 205.

¹⁷ Полевые материалы автора, Архив ЛО ИЭ АН СССР, ф. К-1, оп. 2, д. 972, л. 46.

шокай агаиш (шокай — по-казахски «сапог из верблюжьей кожи») в отличие от общекзахского — *жер агаиш*, *тыс агаиш* или *колтыс*. Иногда землю вскапывали лопатой — *бель*¹⁸.

Судя по описанию информаторов, шокай агаиш напоминает по своей конструкции широко известное во всей Средней Азии и Казахстане пахотное орудие — *омач* (рис. 1). Очевидно, поэтому М. М. Ищенко и Б. К. Щелоков в своей работе называют его «омач». Они пишут: «Примитивная соха, или по местному названию — «омач», коса, серп и лопата — таков весь сельскохозяйственный инвентарь земледельца»¹⁹.

Деревянную основу этого пахотного орудия изготовляли местные казахские мастера. На конец основы шокай агаиша казахи-земледельцы надевали литой чугунный наконечник — *база*, или *тыс* (рис. 2). Покупали его на ярмарках в Кокжаре (ныне г. Уил) или же в форте Александровском (ныне форт Шевченко). За него так же, как и за деревянную основу, давали одного барана. По своей форме наконечник напоминает широко распространенный по всей Средней Азии и Казахстану чугунный сошник, который у узбеков Бухары и Хорезма называется — *паза* или *тиш* (последний термин встречается еще и в Самаркандской области)²⁰.

В качестве тягловой силы казахи использовали пару лошадей или быков. В упряжь входило обычное для Средней Азии и Казахстана ярмо, которое по-местному называлось *мойун агаиш*²¹. При отсутствии или

малочисленности рабочего скота казахи запрягали в пару также вола и лошадь, лошадь и верблюда и т. п.²².

Сев производили вручную, вразброс. Затем землю боронили деревянной бороной — *пана*, представлявшей собой бревно длиной 2—3 м, которое волочил верблюд.

Урожай казахи снимали главным образом с помощью серпа с зазубренным лезвием — *орак* (рис. 3). Жали как мужчины, так и женщины. При молотье снопы расстилали на току — *кирман* и гоняли по

ним скот, преимущественно лошадей или верблюдов. Зерно от мякины отделяли, подбрасывая его лопатами на ветру. Такого типа молотья так же, как и веяние лопатами, характерна для многих районов Казахстана и Средней Азии²³.

На Мангышлаке господствовала залежная система, которая заключалась в том, что землю под посев использовали в течение нескольких лет, а затем забрасывали²⁴. Это было вызвано рядом причин, главные из них: отсутствие достаточного количества влаги в почве, сильная засоленность, а при поливном земледелии и засоленность ее. Залежная система земледелия преобладала во всем Казахстане²⁵.

М. М. Ищенко и Б. К. Щелоков пишут, что при неполивном земледелии озимая пшеница засеивалась обычно по осенней пашне, а если ози-

Т а б л и ц а 2

Площадь поливных и неполивных земель
(в десятинах)*

Год	Поливные земли	Неполивные земли	Всего
1900	151	467	618
1903	534	120	654
1909	400	192	592

* Составлена по данным работы М. М. Ищенко и Б. К. Щелокова, Земледелие, в кн. М. М. Ищенко, И. С. Казбекова, И. В. Ларина, Б. К. Щелокова. «Особенности сельского хозяйства Адаевского уезда», вып. VI, Л., 1928, стр. 182.

¹⁸ Br. Zaleski, Указ. раб., стр. 8; В. В. Востров, Указ. раб., стр. 16.

¹⁹ М. М. Ищенко, Б. К. Щелоков, Указ. раб., стр. 185.

²⁰ Л. А. Фирштейн, Земледельческие орудия таджиков и узбеков (по материалам МАЭ). «Сборник Музея антропологии и этнографии», т. 26, Л., 1970, стр. 158.

²¹ Там же, стр. 161.

²² М. М. Ищенко, Б. К. Щелоков, Указ. раб., стр. 185.

²³ Л. К. Чермак, Указ. раб., стр. 244.

²⁴ В. В. Востров, Указ. раб., стр. 160.

²⁵ Л. К. Чермак, Указ. раб., стр. 247.

мые посевы погибали, пашня пересеивалась под яровые культуры²⁶. Вообще, как отмечают информаторы и указанные выше авторы, урожай при неполивном земледелии на Мангышлаке были весьма неустойчивыми; бывали годы, когда все выгорало от засухи. Так было, например, в 1896 и 1897 гг.²⁷. Это обстоятельство послужило, очевидно, одной из основных причин сокращения у казахов Мангышлака неполивного земледелия за счет увеличения поливного (см. табл. 2).

Как пахоту, так и сев казахи Мангышлака вели либо силами отдельного хозяйства, либо совместными усилиями хозяйств одного аула, в котором обычно жили семьи родственников: отца и выделенных им женатых сыновей или же (после смерти отца) семьи родных братьев²⁸. Так, в семейно-родственной группе Сетимбетбалдары каждое хозяйство пахало самостоятельно²⁹. Несколько хозяйств объединялись в том случае, если в каждом не хватало чего-либо для проведения земледельческих работ. Такое объединение называлось *ортак*. Одно хозяйство выделяло, например, рабочий скот, другое — пахотное орудие и т. д. Собранный урожай делили поровну. Так, в ортак объединялись хозяйства Султангельды и Бекмагамбета, входившие в упомянутую выше семейно-родственную группу. Объединялись они потому, что у каждого было только по одной корове, которых использовали как тягловую силу. По сути дела это была «супруга», широко бытовавшая среди бедняков-земледельцев во всем Казахстане³⁰.

Однако, судя по материалам, имеющимся в нашем распоряжении, гораздо чаще все земледельческие работы хозяйства одного аула производили совместно. Так, по словам Молдаша Нурманова, принадлежавшего к семейно-родственной группе Булатбалдары, хозяйства четырех аулов этой группы в основном занимались земледелием. Исключение составляло хозяйство Кожахмета, который имел много скота и кочевал. Аулы Булатбалдары все вместе обрабатывали свои пашни в урочище Ийр. В ауле отца нашего информатора Досмагамбета было еще два хозяйства его родных братьев. Все земледельческие работы они выполняли коллективно, а собранный урожай делили между собой на три равные части. Если им помогал Жанабай, который принадлежал тоже к группе Булатбалдары, но своей земли не имел и в основном зарабатывал на жизнь пастушеством, то урожай делили уже на четыре равные доли. В другом ауле этой же родственной группы глава одного хозяйства Усенбай с 1911 г. болел в течение шести лет. Все это время, несмотря на то что он уже не мог сам пахать и сеять (только в уборке урожая принимала участие его жена), остальные одноаульцы, которые были ему родными братьями, выделяли семье Усенбая равную с другими долю урожая. Такую же долю получал и упоминавшийся ранее Кожахмет, хозяйство которого находилось в том же ауле, сам он кочевал, но своим одноаульцам выделял рабочий скот, орудия и посевной материал.

В семейно-родственной группе Булатбалдары все хозяйства имели свои пахотные орудия, так как они регулярно занимались земледелием. В тех же группах, хозяйства которых сеяли лишь в дождливые годы, шокай агаш имелся, как правило, один на весь аул. Так, в семейной

²⁶ М. М. Ищенко, Б. К. Щелоков, Указ. раб., стр. 184—185.

²⁷ Там же.

²⁸ А. Н. Букейхан, Казаки Адаевского уезда, «Казаки. Антропологические очерки», сб. 1, Л., 1927, стр. 64.

²⁹ О семейно-родственных группах у казахов см.: В. П. Курылев, К вопросу о семейно-родственных группах у казахов, «Краткое содержание докладов годичной научной сессии Ин-та этнографии АН СССР», Л., 1972, стр. 39—40.

³⁰ См. «Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные статистической партией Тургайско-Уральского переселенческого района. Темирский уезд», Оренбург, 1910, стр. 226; «Статистические сведения исследования хозяйств аулов-кстау Бадамской волости Чимкентского уезда на 1925—1926 гг.», Центральный государственный архив (далее — ЦГА) КазССР, ф. 698, оп. 1а, д. 48а, л. 53; ф. 74, оп. 4, д. 786, л. 2.

группе Мендыбайбалдары в ауле Бекбисена, состоявшем из трех хозяйств родных братьев, имелось одно пахотное зрудие. По сообщению информатора Халила Мурунова, в ауле его отца Муруна было четыре хозяйства. Все они коллективно владели одним пахотным орудием, с помощью которого сам Халил и его старший брат Жали распахивали землю для всех. Такой вид взаимопомощи был распространен во всем Западном Казахстане. Например, известно, что у казахов Эмбинской волости Темирского уезда «одной сохой пользовались 5—6 домохозяйств»³¹.

Если засеянные участки были невелики и для их обработки хватало своих сил, хозяйство или аул собирали урожай самостоятельно. В противном случае на помощь приходили члены семейно-родственной группы. Так, в группе Атанбалдары, хозяйства которой сеяли только в дождливые годы, каждый убирал свой урожай и лишь тем, кто не мог справиться, оказывали помощь.

При неполивном земледелии в земельных отношениях казахов Мангышлака господствовал «захватный способ». В этом случае пахотный участок находился в распоряжении того хозяйства или аула, которое первым его обработало, и до тех пор, пока им пользовалось. Когда же данное хозяйство или аул переставали обрабатывать участок, его могли использовать под посев другие. В группе Булатбалдары, например, каждый аул засеивал столько, сколько мог обработать. Если часть пашни оставалась неиспользованной, то ее мог засеять другой аул, причем право первенства имели члены семейно-родственной группы Булатбалдары.

«Захватный способ» был распространен почти по всему Казахстану. Так, в Акмолинском уезде пашня принадлежала одному хозяину лишь до тех пор, пока он не забрасывал ее на долгий срок³². В Семиреченской же области, как сообщает В. А. Васильев, захваченный участок оставался в наследственном пользовании семьи³³.

Как уже отмечалось выше, неполивное земледелие было залежным и носило в основном случайный характер. Через два-три года нужно было подыскивать новые участки, пригодные для посева, т. е. хорошо насыщенные влагой. Для этого наиболее опытного одноаульца посылали в те места, где прошли обильные весенние или осенние дожди. Если он находил такой участок, то отмечал его особой меткой — *шокалак*, которая большей частью представляла собой небольшой насыпанный руками бугорок земли. В этом году право сеять здесь в первую очередь получали хозяйства его аула, во вторую — семейно-родственной группы, а затем уже, если земли было достаточно, и другие.

Распределением участков между аулами одной семейной группы занимался ее аксакал (старший в группе), а в самих аулах — аксакалы аулов.

Орошаемое земледелие было сконцентрировано главным образом на Мангышлаке, в горах Каратау и Актау. Это же отмечают М. М. Ищенко и Б. К. Щелоков. Они пишут: «Наиболее удобные для поливного земледелия площади сосредоточены в районе Мангышлакского полуострова в долинах между гор Ак-тау и Кара-тау. Посевы орошаются родниковой водой, причем в зависимости от величины годовых осадков воды в родниках хватает на большую или меньшую площадь посева»³⁴.

³¹ «Материалы по киргизскому землепользованию... Темирский уезд», стр. 179.

³² «Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей, Акмолинская область, Акмолинский уезд», т. III, ч. II, Чернигов, 1909, стр. 126.

³³ В. В. Васильев, Семиреченская область как колония и роль в ней Чуйской долины, Пг, 1915, стр. 86.

³⁴ М. М. Ищенко, Б. К. Щелоков, Указ. раб., стр. 183.

Наиболее многоводными родниками были Шетпе, Акмыш, Куркурек, Тушибек, Жингельды, Улубай. По сведениям «Обзора Закаспийской области», максимальная площадь под полив из родников (после снежной зимы и обильных весенних дождей) на Мангышлаке не превышала 900 десятин³⁵.

По сообщению М. И. Иванина (конец первой половины XIX в.), в южной части полуострова между оз. Каракуль и Каспийским морем находились источники пресной воды, что давало возможность казахам и туркменам заниматься здесь хлебопашеством³⁶. Однако за истекшие годы (около 130 лет) высохли не только эти источники, но и само озеро. Очевидно поэтому ни один из наших информаторов не указал на это место как на пригодное для земледелия.

Орошаемое земледелие на Мангышлаке было основано на поливе посевов из горных родников — *булак*. В тех случаях, когда они были маловодными, воду из нескольких источников собирали вместе с помощью арыка — *кез салма* в специальный водоем — *аудан*, расположенный, как правило, выше полей, предназначенных для орошения. Из этого водоема вода по другому арыку — *салма* поступала на поля. М. М. Ищенко и Б. К. Щелоков сообщают о том, что вода родников накапливалась в нескольких водохранилищах, соединенных между собой арыками. После наполнения нижележащего водохранилища к нему закрывался доступ воды, и она поступала в водоем, расположенный выше. Получался ряд расположенных друг над другом прудов, из которых по мере надобности производился полив посевов³⁷. К сожалению, нам не удалось собрать сведений о подобных водохранилищах. Можно предположить, что там, где воды в родниках было мало, казахи сооружали несколько водоемов, а там, где ее хватало, как, например, в роднике Жингельды, ограничивались одним водохранилищем.

Для удобства полива казахи-земледельцы Мангышлака разделяли поля невысокими земляными валиками — *кыра* на небольшие площадки размером около одной сотки — *атыз*. В Чилийском районе Кзыл-Ордынской области (бывший Перовский уезд) термином «атыз» обозначали поливную часть пашни³⁸. В сообщении Бр. Залеского о земледелии мангышлакских казахов говорится: «Киргизы (казахи.— В. К.), которые занимаются этим микроскопическим земледелием, проявляют не только большое терпение, но также некоторые навыки в ирригации; они проводят воду на свои маленькие поля и их грядки из источников, которые довольно часты в горах (очевидно, грядками Б. Залеский называет небольшие участки — *атыз*,— В. К.). Они ухищряются провести ее на расстоянии от 6 до 8 км и, таким образом, оросить почти целые долины»³⁹.

В урочище Жингельды (в горах Каратау), как сообщил информатор Тилеген Калмагамбетов, было три родника. Отметим, что в работах М. И. Иванина, Кияшко, М. М. Ищенко и Б. К. Щелокова урочище Жингельды указывается как место, где воды было особенно много⁴⁰. Воду этих трех источников казахи соединили и подвели к водоему, где она накапливалась в течение ночи. С утра ее выпускали через сквозное отверстие, выдолбленное в одном из камней запруды водохранилища — *тесик тас* в арык, откуда ее уже подавали непосредственно на поля.

До революции водой из родников Жингельды пользовалось около 25 хозяйств рода Шонай, к которому принадлежал наш информатор.

³⁵ «Обзор Закаспийской области за 1911 г.», Асхабад, 1916, стр. 131.

³⁶ М. И. И в а н и н, Указ. раб., стр. 269.

³⁷ М. М. И щ е н к о, Б. К. Щ е л о к о в, Указ. раб., стр. 184.

³⁸ Полевые материалы автора, Архив ЛО ИЭ АН СССР, ф. К-1, оп. 2, д. 919, л. 23.

³⁹ Вр. Z a l e s k i, Указ. раб., стр. 8.

⁴⁰ М. И. И в а н и н, Указ. раб., стр. 299; Кияшко, Указ. раб., стр. 171; М. М. И щ е н к о, Б. К. Щ е л о к о в, Указ. раб., стр. 183.

В течение недели, по его словам, из этого родника можно было полить около 13 га посевов. В один день полив производили четыре хозяйства, каждое из которых владело участком земли примерно в 0,5 га.

Как известно, во многих районах Казахстана, Средней Азии и в некоторых других районах нашей страны (например, на Кавказе) для орошения полей в горной местности используется вода небольших родников и источников⁴¹. В горах Каратау (Южный Казахстан) орошение производилось, например, из ключей и речек, несущих с гор снеговую воду. Так как эти источники большей частью мелководны, то для использования их в целях орошения казахи устраивали запруды вблизи мест, предназначенных под пашни. По мере надобности вода из них поступала с помощью арыков⁴². Система оросительных сооружений у казахов Мангышлака почти до мелочей напоминает ирригационные устройства в горных районах Восточного Казахстана⁴³.

Место под пашню и, следовательно, арык, проводящий воду из водоема на поля — *салма*, через определенные промежутки времени менялась в связи с тем, что пашня после нескольких лет эксплуатации засорялась и засолялась. Арык же, соединяющий родники с водоемом — *коз салма*, а также сам водоем были всегда стационарными. Ежегодные ремонты и проведение новых арыков производились силами тех хозяйств, которые намеревались в данном году засеять землю. Доля участия каждого хозяйства в ремонте, как сообщил информатор Кулмырза Утегенов, зависела от величины площади засеваемой пашни. Таким образом, только труд, затраченный на устройство и ремонт оросительной системы, давал право на пользование водой, что, впрочем, было характерно не только для Казахстана, но и для многих других районов Средней Азии. В Центральном Казахстане водой для полива из рек Токрады и Джиньшкы (бывший Каркаралинский уезд) пользовались только те, кто участвовал в ежегодном ремонте и чистке оросительных каналов⁴⁴. В бывшем Аулие-Атинском уезде еще в 1920-х гг. казахи делили пахотные земли между теми хозяйствами, которые участвовали в работах по сооружению и очистке арыка⁴⁵. Тот же порядок существовал и у казахов-земледельцев Перовского уезда⁴⁶.

Перед посевом казахи Мангышлака землю поливали, и, когда она подсыхала, каждое хозяйство самостоятельно распахивало и заседало свои участки. При неполивном земледелии эти работы чаще всего выполнялись совместными усилиями всех хозяйств аула.

К помощи других хозяйств прибегали при устройстве земляных валиков — *кыра*, так как это, по словам Тилегена Калмагамбетова, была довольно трудоемкая работа. Один человек за день насыпал валики на площади не более пяти соток и, таким образом, затрачивал на обработку участка в 0,5 га (т. е. 50 соток — обычный размер участка, которым владело хозяйство) десять дней. Если же ему помогали 10—15 человек, то эту работу делали за один день, что было очень важно, так как посевное зерно уже начинало прорастать. Хозяйства помогали друг другу и при уборке урожая, причем в первую очередь помощь оказывалась внутри семейно-родственной группы.

⁴¹ Б. В. Андрианов. Полевое изучение народной ирригации в предгорьях Западного Узбекистана, «Всесоюзное археолого-этнографическое совещание по итогам полевых исследований 1972 года. Тезисы докладов и сообщений по этнографии», Ташкент, 1973, стр. 32.

⁴² «Материалы по киргизскому землепользованию. Сырдарьинская область, Перовский уезд», Ташкент, 1912, стр. 54.

⁴³ Полевые материалы автора, Архив ЛО ИЭ АН СССР, ф. К-1, оп. 2, д. 973, л. 40 об.

⁴⁴ «Материалы по киргизскому землепользованию. Семипалатинская область, Каркаралинский уезд», т. VI, СПб, 1905, стр. 90.

⁴⁵ Партархив Казахского филиала Института марксизма-ленинизма, ф. 141, оп. 1, д. 106, л. 137.

⁴⁶ Полевые материалы автора. Архив ЛО ИЭ АН СССР, ф. К-1, оп. 2, д. 918, л. 39.

У казахов Мангышлака владельцем всего родника и его оросительной системы была, как правило, семейно-родственная группа или же очень малый по численности экзогамный род (в литературе его называют еще и первичным родом). О совместном использовании родников для орошения полей казахами-земледельцами Мангышлака имеются данные в архивных и литературных источниках⁴⁷.

Выше уже отмечалось, что владельцем родника Жингельды был род Шонай. Родник Тушибек принадлежал роду Кырымкул; Акмыш — роду Жары; Куркуреук — семейно-родственной группе Сарыкаскабалдары, причем не все хозяйства этих родовых объединений занимались земледелием. Многие только кочевали и лишь те, которые имели мало скота, были оседлыми и обрабатывали землю. Совместное владение пашнями и арыками при поливном земледелии было характерно почти для всего Казахстана. Например, у казахов бывшего Перовского уезда пашнями как при поливном, так и при неполивном земледелии пользовались сообща, целым родом или отдельной его ветвью⁴⁸.

Хозяйства, которые сеяли на орошаемых землях, выступали как наследственные владельцы отдельных участков. Первоначально родник занимался «захватным способом» и уже потом становился собственностью тех, кто устраивал на нем оросительную систему и начинал использовать ее для орошения. Так, родник Куркуреук в урочище Жармыш, принадлежавший семейно-родственной группе Сарыкаскабалдары, был найден одним из ее представителей — Есениязом. Он же, по преданию, распределил участки земли, орошаемой из этого родника, между остальными хозяйствами своей группы, занявшимися земледелием.

Социальное неравенство, характерное для казахского общества до революционного периода, нашло отражение и в земельных отношениях при орошаемом земледелии. Байские хозяйства тоже имели участки поливных земель. Однако сами они их не обрабатывали, а использовали для этой цели своих бедных родственников. Сказанное выше свидетельствует о наличии среди казахов Мангышлака одной из форм издольщины.

В некоторых случаях поливные участки сдавали в аренду, причем, как правило, арендная плата носила натуральную форму и составляла одну десятую урожая. Так, в роде Шонай трое сыновей бая Исай были владельцами отдельных пахотных участков. Сами они их не обрабатывали, а сдавали в аренду своим родственникам — Таша и Балшикбаю. Арендаторы отдавали за это владельцам участков одну десятую урожая. Один из членов упоминаемой выше семейно-родственной группы Тумабалдары рода Шонай — Сюйюрбай арендовал землю под пашню в урочище Жарсу, пользуясь для орошения водой из родника Акмыш, который принадлежал роду Жары. За это он отдавал хозяину участка 10% собранного урожая.

Право собственности на поливные участки земли у казахов-земледельцев Мангышлака было ограниченным. Во-первых, владельцы не могли их продать представителю другого родового объединения без согласия всей семейно-родственной группы или рода. Да и покупать землю посторонние опасались, так как через некоторое время ее могли отнять обратно, особенно если акт продажи не был зафиксирован у волостного старшины. «Право на воду и землю имеют лишь члены этих поколений (подразумеваются родовые объединения казахов. — В. К.) и никто из них не в праве продать, подарить или даже отдать в аренду

⁴⁷ ЦГА КазССР, ф. 40, оп. 1, д. 939, л. 8; Д. И. Суботич, Материалы по землепользованию в Закаспийской области, Асхабад, 1903, стр. 5, 6.

⁴⁸ «Справка об экономике казахов Караузякской волости Перовского уезда, 11 мая 1910 г.», ЦГА КазССР, ф. 232, оп. 1, д. 50-б, л. 6.

свою долю воды и земли в руки лиц, не принадлежащих к этому поколению»⁴⁹. Однако, как указывают информаторы, случаи продажи орошаемых пашен и небольших родников все же были. Так, например, по словам Тилегена Калмагамбетова, его отец Калмагамбет Сагынов купил в начале нынешнего столетия несколько участков поливной пашни (площадью около 1,5 га) на родниках Уразбай и Карадуван, отдав за них одного верблюда. Он сообщал также, что в 1870 г. некий Каражан из рода Бокай купил у другого рода за одного верблюда и верблюженку родник, который назывался тогда Эндеме. В настоящее время он называется Каражан булак.

Во-вторых, владельцы поливных пашен часто предпочитали не отдавать их другим даже во временное пользование, потому что боялись потерять родник. Например, семейно-родственная группа Сарыкаскабалдары разрешала чужим только поить скот из своего родника Куркуреук, а брать воду для полива полей не позволяла даже в те годы, когда все хозяйства группы сами ничего не сеяли. Подобные же случаи отмечались и в других районах Казахстана. На территории бывшего Каркаралинского уезда, например, в общинной группе № 261 избегали «пускать на пашню посторонних даже на один год из боязни, чтобы такой припущенник не предъявил претензии на землю»⁵⁰.

В заключение отметим, что земледелие казахов Мангышлака, как в общих чертах, так и во многих деталях, сходное с земледелием других районов Казахстана, имело, однако, и ряд особенностей, обусловленных своеобразными естественно-природными условиями данного региона, а также его относительной изолированностью. Определенное значение имело и то, что земледелие у казахов Мангышлака, в основном занимавшихся скотоводством и ведущих кочевой образ жизни, было второстепенным занятием и носило весьма непостоянный характер.

⁴⁹ Д. И. Суботич, Указ. раб., стр. 5.

⁵⁰ «Материалы по киргизскому землепользованию... Каркаралинский уезд», стр. 34.

В. П. Курылев

Казахские кожаные мужские пояса в собраниях МАЭ

В собраниях отдела Средней Азии и Казахстана Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого АН СССР хранится 10 казахских кожаных мужских поясов. Девять входят в состав коллекций, которые поступили в музей в конце прошлого века (№ 403-8—11 — в 1898 г.; № 438-3, 4; 439-14, 15; 493-8 — в 1899 г.), и только один — в коллекцию начала нынешнего столетия (№ 1278-19 — в 1908 г.). При поступлении в МАЭ они были впервые зарегистрированы и описаны как этнографические экспонаты, причем регистрацию их производил известный этнограф Д. А. Клеменц, за исключением № 493 (регистровала Е. Петри). В 1960-х гг. эти коллекции были вновь перерегистрированы М. В. Сазоновой, Л. А. Фирштейн и др.

Сбором и приобретением этих коллекций для МАЭ занимались специалисты, прогрессивные деятели России, а также сами казахи. Мы уже сообщали, что коллекция № 493 была приобретена С. М. Дудиным — известным собирателем этнографических экспонатов, характеризующим традиционную культуру и быт народов Средней Азии и Казахстана.¹ Ценную коллекцию (№ 403) по этнографии южных казахов собрал и передал в МАЭ начальник Лепсинского у. Семиреченской обл. К. Н. де Лазари, по северным казахам (Петропавловский у. Акмолинской обл.) (№ 1287) — К. В. Щенников. Богатейшее собрание этнографических экспонатов (№ 439), бытовавших в Северо-Западном Казахстане (Тургайская обл.), преподнесли в дар Музею казахи Лаикжан Дербисалиевич Биркимбаев и Хасан Шу-Мухамедович Имамбаев. У нас нет почти никаких сведений о собирателях коллекции № 438, так как она была передана в МАЭ из Русского географического общества. Однако в сумке одного из поясов этой коллекции (№ 438-4) мы обнаружили записку на довольно твердой бумаге, где сказано: «Киргизская (казахская. — В. К.) калта. Ременный пояс с сумкой, ножом и кожаными дробовницами. Доставлено П. И. Небольсиным от султана обл. Оренбургских киргизов Мугамет Тали-Тлукином».

Наиболее употребляемое название казахских кожаных мужских поясов, судя по описаниям, *кисе* (*kise*).² Впервые это слово как название мужского казахского кожаного пояса встречается в отчете И. Гладышева и Д. В. Муравина об их путешествии в Хиву в 1740—1741 гг.³ Первоначально же это слово означало кошелек, сумку, которую носят на поясе. Так, в поэме дидактического содержания первой половины XIII в. Ахмеда Югнекского упоминается слово

¹ Курылев В. П. Оружие казахов // Материальная культура и хозяйство народов Кавказа, Средней Азии и Казахстана. Л., 1978. С. 5. (СМАЭ; Т. 34).

² МАЭ, оп. № 403-9; 439-14; 493-8. Это находит подтверждение в работе выдающегося дореволюционного казахского ученого Ч. Ч. Валиханова, посвященной оружию и воинским доспехам у казахов, где среди доспехов, точнее, «снарядов для ружейников» (?) дается краткое описание такого ремня и его название — *kise* (Валиханов Ч. Ч. Вооружение киргиз в древние времена и их военные доспехи // Собр. соч. Алма-Ата, 1985. Т. 4. С. 39). В книге И. В. Захаровой и Р. Д. Ходжаевой о казахской традиционной одежде мужские кожаные пояса называются так же (Захарова И. В., Ходжаева Р. Д. Казахская национальная одежда: XIX—начало XX в. Алма-Ата, 1964. С. 56).

³ Гладышев И., Муравин Д. В. Поездка из Орска в Хиву и обратно в 1740—1741 гг., совершенная поручиком Гладышевым и геодезистом Муравиным. Спб., 1851. С. 68.

кіса в значении кошель, мошны (стамбульский список этой поэмы, арабским письмом конца XV—начала XVI в., строка 288).⁴ В. В. Радлов сообщает, что кіса — это «кожаная сумка, носимая на поясе, в которой носят порох и патроны. . .».⁵ То же самое мы находим и у Ч. Ч. Валиханова.⁶ Отсюда можно заключить, что исследуемые нами предметы получили название *кисе* от одной из своих неперенных принадлежностей, а именно сумки.

В одной из описей (№ 1287-19) встречается другое название пояса — *кайыс белбеу*. Согласно данным И. В. Захаровой и Р. Д. Ходжаевой, так казахи называли мужские кушаки из материи, которые «появились еще в XVIII в., но, очевидно, ими пользовались реже, чем кожаными поясами».⁷ Они сообщают также, что с середины XIX в. у казахов появляются кожаные пояса, которые называются *бельдик* (белдік), *кюмюс бельдик* (күміс белдік) и *кемер бельдик* (кемер белдік). И наконец, Ч. Ч. Валиханов наряду с названием мужского кожаного пояса *кисе* употребляет слово *калта*.

Слово *бельбеу* (*belbay*), где *бель* означает «поясница», «пояс у человека», а *баг // бау* — «узел», «повязка», в знач. «пояс, кушак», встречается в легенде об Огуз-хане.⁸ Название пояса в двух указанных фонетических вариантах можно найти в словаре В. В. Радлова, где говорится, что это «пояс из ремня», т. е. из кожи.⁹ В этом же словаре имеется и другое название казахского пояса — *бельдик*.¹⁰ К сожалению, автор не раскрывает характеристику такого пояса. Об упомянутом Ч. Ч. Валихановым названии пояса *калта* можно сказать то же самое, что и в отношении *кисе*, так как, согласно В. В. Радлову, *калта* означает на казахском языке «кожаный кошелек» или же «кошелек для ношения при себе талисмана или молитвы, которые бы защищали против злых духов».¹¹

Наиболее типичные, с нашей точки зрения, казахские мужские кожаные пояса из собраний МАЭ № 403-10 и 439-15, подробное описание которых мы и даем. Экземпляр № 439-15 представляет собой старинный с подвесками пояс из кожи, сложенный вдвойне и сшитый жильными нитками впритык посредине внутренней стороны. Все без исключения казахские пояса из фондов МАЭ двойные. Одни из них (№ 403-9; 438-3; 439-14) сделаны из цельного сложенного и сшитого, как и у описываемого экземпляра, куска кожи. Другие (№ 403-8, 10, 11; 493-8; 1287-19) сшиты из двух ремней. Это, вне всякого сомнения, наиболее характерно для казахских мужских кожаных поясов. Так, Ч. Ч. Валиханов сообщает: «Калтой или кесе называется ремень, прошитый из двойной (подчеркнуто нами. — В. К.) русской юфты белой стороной. . .»¹² Н. М. Пржевальский отмечает, что казахский кожаный пояс обычно состоял из двух или даже иногда трех слоев конской или коровьей кожи.¹³ К сожалению, в настоящее время невозможно определить, из какой кожи сделаны пояса, кроме № 439-15, о котором в описи сказано, что он из лошадиной кожи.¹⁴

Длина этого пояса 168 см. А из всех имеющихся в МАЭ казахских поясов самый длинный — 173 см — № 438-4, а самый короткий — 99 см — № 1287-19. В основном это соответствует данным, приводимым в книге И. В. Захаровой и Р. Д. Ходжаевой. «Длина была, — пишут они о поясах, — самой различной (от 130 до 200 см, чаще 150 см при ширине от 2.5 до 3 см). . .»¹⁵ В большинстве случаев и ширина поясов из МАЭ близка к указанной исследователями — от 2 (№ 403-10) до 4 см (№ 403-9). Исключение составляют только два пояса (№ 403-8 и 438-3), ширина которых соответственно равна 7.5 и 8 см. Эти два

⁴ Древнетюркский словарь. Л., 1969. С. 310.

⁵ Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. СПб., 1899. Т. 2, ч. 2. Стб. 1386.

⁶ Валиханов Ч. Ч. Вооружение киргиз. . . С. 39.

⁷ Захарова И. В., Ходжаева Р. Д. Казахская национальная одежда. С. 58, 59.

⁸ Древнетюркский словарь. С. 93.

⁹ Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. СПб., 1911. Т. 4, ч. 2. Стб. 1617.

¹⁰ Там же. Стб. 1616.

¹¹ Там же. 1899. Т. 2, ч. 1. Стб. 258.

¹² Валиханов Ч. Ч. Вооружение киргиз. . . С. 39.

¹³ Пржевальский Н. М. Из Зайсана через Хами в Тибет. М., 1948. С. 127.

¹⁴ МАЭ, оп. № 439-15.

¹⁵ Захарова И. В., Ходжаева Р. Д. Казахская национальная одежда. С. 56.

пояса отличаются от всех остальных устройством для застёжки, а именно: они застёгиваются с помощью пряжек.

Если ещё к этому добавить, что из просмотренных нами семи казахских кожаных мужских поясов, хранящихся в ГМЭ, шесть с застёжками в виде крючка и все, кроме одного, узкие, то можно в качестве предварительного соображения

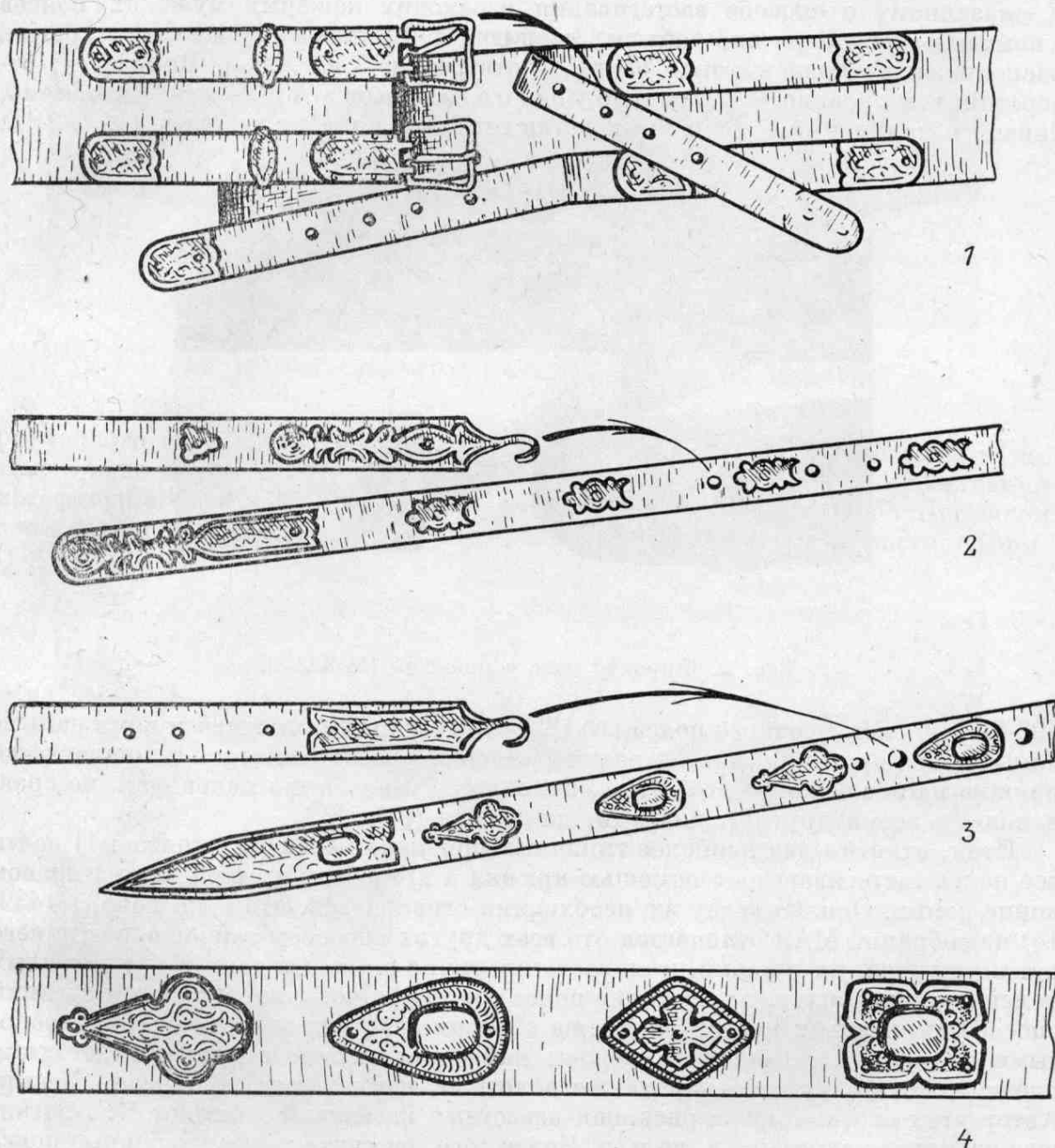

Рис. 1. Мужские пояса.

1 — широкий с пряжкой (№ 403-8); 2—3 — узкие с застёжкой с помощью крючка (№ 403-10; 439-15); 4 — фрагмент пояса № 439-15 с бляшками.

высказать следующее. Казахские кожаные мужские пояса делятся на два типа: первый, наиболее распространенный — узкие пояса с крючком-застёжкой (рис. 1, 2, 3), второй — широкие с пряжкой (рис. 1, 1; 2).

Итак, первый тип казахских кожаных мужских поясов застёгивается с помощью крючка, который вдевали в отверстие или кольцо пояса снизу вверх (рис. 1, 2, 3). «На концах (поясов. — В. К.) прикрепляли металлические бляхи: одна имела крючок, на другом конце ремня, на некотором расстоянии от края, было несколько блях с круглыми отверстиями для крючка. Таких отверстий было до пяти. Когда пояс надевали, то его свободный конец вдевали в ремни

подвесок».¹⁶ На одном конце охотничьего пояса кісе, который зарисовал Ч. Ч. Валиханов, отчетливо видно пряжку, завершающуюся крючком, а ближе к другому — пять сквозных отверстий. Крючок видно и на рисунке художника П. Кошарова «Оружие казахов Старшего жуза», который издатели собрания сочинений Ч. Ч. Валиханова поместили к его статье об оружии казахов.¹⁷ К сказанному о способе застегивания казахских кожаных мужских поясов с помощью крючка нужно добавить следующее. Во-первых, у всех них крючок расположен на правом конце ремня, а отверстия — на левом. Во-вторых, отверстий, как правило, 4—5, однако у одного из поясов МАЭ (№ 403-9) их восемь, причем металлические обкладки-розетки отсутствуют у двух поясов (№ 439-15;

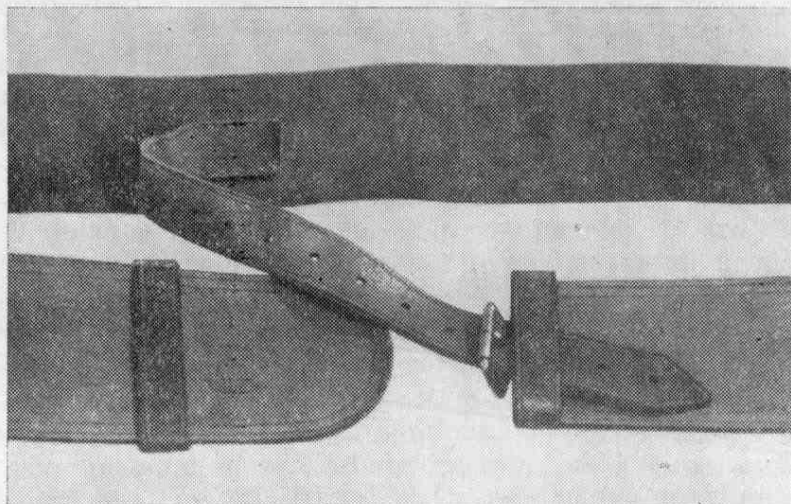

Рис. 2. Широкий пояс с пряжкой (№ 438-3).

493-8). Наконец, у одного пояса (№ 1287-19), который был отмечен нами раньше как самый короткий, крючок застегивается на петлю, которой заканчивается пряжка на левом конце его. Этим объясняется и необычно маленькая, по сравнению со всеми другими поясами, длина его (рис. 3).

Итак, отметим два наиболее типичных признака казахских поясов: 1) почти все пояса застегиваются с помощью крючка и 2) крючок расположен на правом конце ремня. Однако сразу же необходимо оговориться, что один пояс (№ 439-14) из собраний МАЭ отличается ото всех других способом закрепления: у него нет ни крючка, ни пряжки, и он застегивается с помощью двух узких кожаных ремешков, закрепленных на конце пояса (рис. 4). Очевидно, это самый древний способ закрепления пояса. Таким же образом завязывался накладной с золотыми бляхами пояс сакского вождя, найденный вместе с другими деталями одежды, богато украшенной также золотыми накладками, в кургане Иссук. Автор этих сенсационных раскопок известный казахский археолог К. А. Акишев датирует находку V в. до н. э. Более того, он считает, что «наборные пояса типа иссуковского, украшенные серебряными и бронзовыми бляхами и подвесками, были широко распространены у евразийских кочевников с VII—VI вв. до н. э. . . ».¹⁸

Логически рассуждая, можно прийти к единственно, казалось бы, правильному выводу, что застегивание ремня с помощью крючка является после завязывания ремешками наиболее простым способом, а следовательно, и более древним, чем с помощью пряжки. Однако имеющиеся в нашем распоряжении археологические материалы свидетельствуют об обратном, а именно о том, что издавна пояса, особенно наборные, застегивались на пряжку. Так, среди находок из раскопок, отнесенных археологами к концу II—началу I тысячелетия

¹⁶ Там же.

¹⁷ Валиханов Ч. Ч. Вооружение киргиз. . . С. 38, 39.

¹⁸ Акишев К. А. Курган Иссук: Искусство саков Кавказа. М., 1978. С. 50—52.

до н. э., имеются уже поясные бронзовые пряжки (поселение Мало-Красноярка, Северный Казахстан) и даже костяная (из тех же раскопок).¹⁹ В сакский период — VII—I вв. до н. э. — для Казахстана характерно уже широкое распространение пряжек наборных поясов, причем часть их была фигурной. «Для

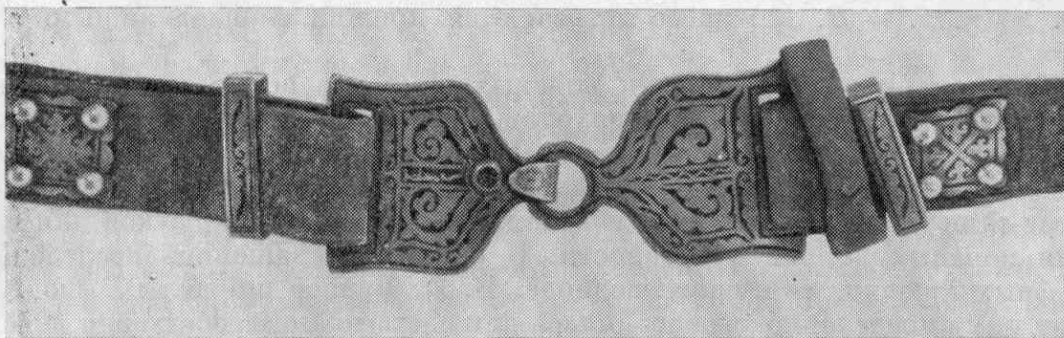

Рис. 3. Пояс с застежкой с помощью крючка (№ 1287-19).

прикладного искусства (саков. — *В. К.*) типичны. . . пряжки костяные и роговые в виде свернутых в спираль кабанов. К концу VI в. до н. э. появляются многофигурные композиции в стиле „зоологической головоломки“. Примером может служить фигурная пряжка из маральего рога. На ее поверхности, оформ-

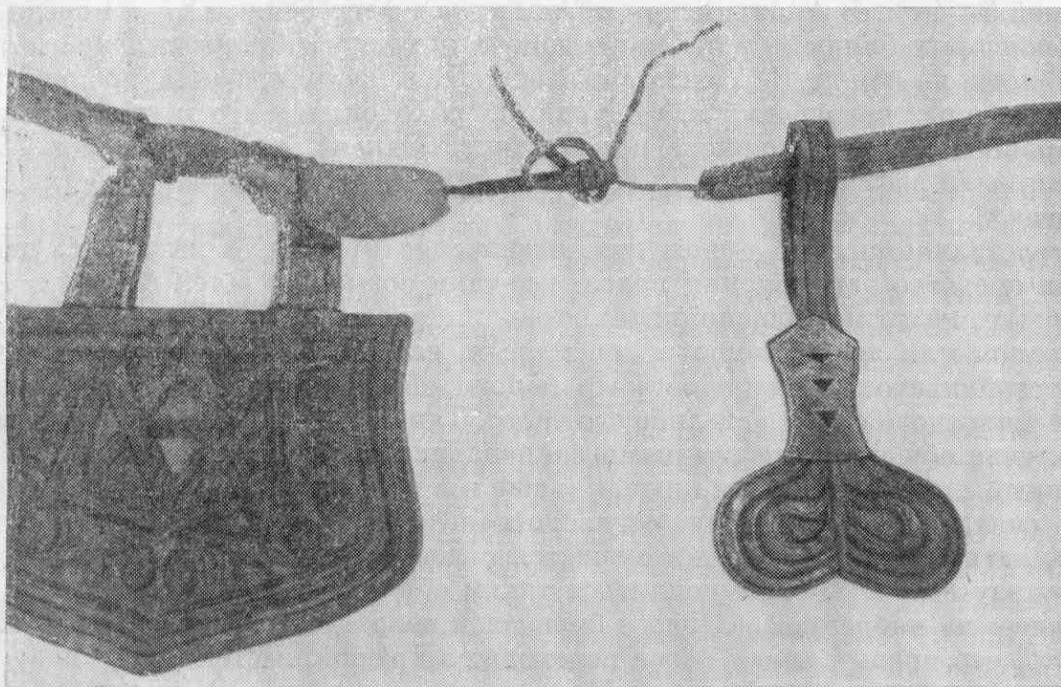

Рис. 4. Пояс с застежкой с помощью кожаных ремешков (№ 439-14).

ленной в виде стилизованной головы орла, выгравирован сложный рисунок. На площади 15 кв. см мы видим фигуру бегущего кабана, головы трех козлов, волка и оленя. Древний художник расположил эти фигуры под различными углами и скомпоновал их так, что линия, ограничивающая одно изображение, служит в то же время началом другого, нового образа. Этот сюжет на роговой пряжке из кургана 3 Тасмола V — редчайший в Евразии и находит едва ли не единственную параллель в алды-бельских памятниках того же времени далекой

¹⁹ Черников С. С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы // МИА. 1960. № 88. С. 43, 46.

Туву».²⁰ Кстати сказать, что в Туве приблизительно в то же время — V—III вв. до н. э. — кожаные ремни с накладками имели бронзовые пряжки. Они, как сообщает А. Д. Грач, «имеют округлый приемник и подчетырехугольную рамку, иногда оформлены в скифском зверином стиле (изображения горных баранов или хищника с разверстой пастью). На озен-ала-белигском этапе (IV—III вв. до н. э. — В. К.) часто встречаются пряжки с неподвижными язычками».²¹

О широком бытовании пряжек поясных ремней в более поздние периоды свидетельствуют археологические находки в южнорусских степях, Казахстане, Средней Азии и Южной Сибири и их изображения на росписях (Пенджикент), а также каменных изваяниях.²²

И все-таки у нас имеется ряд указаний на применение крючков для застегивания поясных ремней в древности. В работе, посвященной исследованию зооморфных крючков скифского периода, В. И. Гуляев пришел к выводу, что часть из них определенно употреблялась для застегивания собственно поясного ремня. При этом он специально ограничился районами Среднего Дона и Прикамья, где скифский поясной набор отличался от бытовавшего в собственно геродотовой Скифии (Северное Причерноморье и Приднепровье). «... В кургане 10 группы „частных курганов“ на тазовых костях погребенного, — пишет он, — были обнаружены бронзовые бляшки поясного набора и бронзовый крючок с изображением «фантастического зверя». В кургане у с. Мастюгино во время археологических исследований 1961 г. был найден бронзовый поясной крючок с изображением птицы. На его оборотной стороне благодаря действию медных окислов сохранились остатки закругленного конца кожаного пояса шириной 3—4 см. В Ананьинском могильнике в погребении IX—XI среди двойных бронзовых бляшек от поясного набора находился бронзовый крючок с головой лося на конце. К сожалению, основная масса крючков происходит из потревоженных погребений или случайных находок, так что трудно установить их первоначальное положение при костяке. Однако в двух случаях, когда крючки были зафиксированы *in situ*, они находились на тазовых костях погребенного».²³

Представляется, что определить назначение крючка, а именно служит ли он как средство закрепления пояса, все-таки возможно в тех случаях, когда, во-первых, известно общепринятое, традиционное расположение его на ремне (на правом или левом конце) и, во-вторых, если изображение на крючке требует устойчивого, «фиксированного» положения. Например, когда это изображение животного или какой-либо его части. Так, если известно, что в определенном случае общепринята традиция закрепления пояса справа налево, то обнаруженный при захоронении крючок (даже и в не положении *in situ*) можно уверенно считать поясным, если, согласно нанесенному на нем изображению, рабочая, загнутая часть крючка окажется с левой стороны, причем она должна идти снизу вверх, т. е. закрепляться таким образом на петле ремня.

Далее: на найденной в Ордосе бронзовой человеческой фигурке можно проследить, что правый конец пояса переходит в крючок, застегнутый снизу вверх на петле поясного ремня, которой заканчивается левый его конец.²⁴ Эта статуетка датируется началом III в. до н. э.²⁵

²⁰ История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней. Алма-Ата, 1977. Т. 1. С. 242, 244, 245.

²¹ Грач А. Д. Древние кочевники в центре Азии. М., 1980. С. 35, 111, 113 и след.

²² Плетнева С. А. От кочевий к городам: салтово-маяцкая культура. М., 1967. С. 162, 163, 165; Мандельштам А. М. Кочевники на пути в Индию // МИА. 1966. № 136; Распопова В. И. Поясной набор согда VII—VIII вв. // СА. 1965. № 4. С. 79—81; Грач А. Д. Древнетюркские изваяния Тувы. М., 1961; Шер Я. А. Каменные изваяния Семиречья. Л., 1966; Вайнштейн С. И., Крюков М. В. Об облике древних тюрков // Тюркологический сборник: К шестидесятилетию Андрея Николаевича Кононова. М., 1968. С. 186, и др.

²³ Гуляев В. И. Зооморфные крючки скифского периода // Население Среднего Дона в скифское время. М., 1969. С. 109—127.

²⁴ Salmoni. Sino-Siberian Art. Paris. 1933. Pl. XVIII, 3.

²⁵ Ibid. P. 51.

Итак, перед нами полная аналогия манере застегивания с помощью крючка казахских мужских кожаных поясов. Конечно, мы не можем, да это и не входит в задачу данной работы, говорить не только о прямой их генетической, но и вообще о какой-либо связи. К тому же В. И. Гуляев строго ограничивает время бытования исследуемых им зооморфных застежек. «...Зооморфные крючки, — пишет он, — употреблялись в течение сравнительно короткого отрезка времени (конец V в. до н. э. — середина III в. до н. э.). . .»²⁶

Очевидно, традиция употребления крючка для застегивания поясного набора сохранялась и в дальнейшем. Мы имеем, правда единичные, археологические находки поясных наборов, застегивающихся с помощью крючка, VI—VII вв. на Алтае²⁷ и X—XII вв. — в Южной Сибири и Восточном Казахстане.²⁸ Необходимо упомянуть, что И. Л. Кызласов отмечает: «Пряжки-петли и пряжки-крючки. . . не находят себе аналогий в материалах других культур».²⁹

Есть сведения, относящиеся уже к средневековью. М. В. Горелик, исследуя среднеазиатский мужской костюм по миниатюрам XV—XIX вв., пишет, что военные и знать предпочитали кушаку (из ткани. — В. К.) довольно узкий кожаный ремень, который с середины XVI в. застегивается на пряжку, имеющую с одной стороны «петлю», а с другой — крючок».³⁰

Естественно, мы пока далеки от мысли, что можем здесь окончательно решить вопрос о том, какие закрепляющие детали мужского наборного пояса более древние: крючок или пряжка. Не исключено, что они сосуществовали и возникли одновременно. Для нас важно поставить этот вопрос. Представляется, что решить его возможно только в совместном комплексном археолого-этнографическом исследовании с широким привлечением всех имеющихся материалов по этой проблеме. При этом, очевидно, будет необходимо проследить этнокультурные связи.

Вернемся же к казахским поясным ремням из МАЭ. У всех них крючок для застегивания расположен на правом конце пояса. Несомненно, это также один из очень архаических приемов. Бесспорным доказательством этому служит уже упоминаемая нами выше бронзовая статуэтка из Ордоса III в. до н. э., у которой поясной крючок расположен справа. Из 58 прорисовок древнетюркских изваяний Тувы, опубликованных А. Д. Грачом, на четырех прослеживаются пряжки пояса, которые с очень большой долей вероятности расположены на правом конце поясных наборов (в тексте автор об этом, к сожалению, ничего не говорит).³¹ У Я. А. Шера, исследователя каменных изваяний Семиречья, из 145 изваяний только у трех прочерчиваются пряжки и только у одной из них прослеживается, что она расположена справа.³² Из этих же работ А. Д. Грача и Я. А. Шера можно видеть, что распашная одежда запаховалась, как в Туве, так и в Семиречье, справа налево, т. е. правая пола поверх левой. «Отчетливо (на изваянии № 22. — В. К.) показана манера запахования одежды справа налево (правая пола наверху)».³³ Надо отметить, что в литературе очень долго бытовало мнение, что древние тюрки запаховали одежду слева направо, т. е. левую полу поверх правой, и только в исследованиях С. М. Вайнштейна и М. В. Крюкова об облике древних тюрков убедительно показано, что они делали это наоборот.³⁴ Если при этом еще учесть, что казахи имеют обыкновение запа-

²⁶ Гуляев В. И. Зооморфные крючки. . . С. 109.

²⁷ Стены Евразии в эпоху средневековья. М., 1981. С. 100, рис. 23, 9.

²⁸ Там же. С. 191, рис. 71, 36, 37; Басендайка: Сб. материалов и исследований по археологии Томской обл. Томск. 1947. С. 42, 47, табл. 79, 35—37.

²⁹ Кызласов И. Л. Аскизская культура Южной Сибири X—XIV вв. М., 1983. С. 53.

³⁰ Горелик М. В. Среднеазиатский мужской костюм по материалам XV—XIX вв. // Костюм народов Средней Азии: Ист.-этногр. очерки. М., 1979. С. 63.

³¹ Грач А. Д. Древнетюркские изваяния Тувы. Прилож., сводная табл. изваяний № 1, 6, 8, 43.

³² Шер Я. А. Каменные изваяния Семиречья. Прилож., № 1, 17.

³³ Грач А. Д. Древнетюркские изваяния Тувы. С. 59, 60; Шер Я. А. Каменные изваяния Семиречья. Прилож., № 1, 11, 12, 16, 19.

³⁴ Вайнштейн С. И., Крюков М. В. Об облике древних тюрков. С. 185.

хивать левую полу на правую,³⁵ то можно предполагать, что древнетюркская манера сохранилась у них частично лишь в застегивании поясов.

Выбранный нами как образец для описания казахский мужской кожаный пояс № 439-15 имеет сумку, расположенную на правой стороне его, два мешочка для пуль или дроби и ножны, которые прикреплены к поясному набору слева (рис. 5). Такой набор подвесок в общем-то типичен для казахских мужских кожаных поясов и имеется на трех поясах из МАЭ. У двух поясов (№ 403-11; 438-3) есть соответственно только сумка и ножны. У некоторых других поясных ремней (№ 403-9, 10; 493-8) по одному мешочку для пуль.

У всех экземпляров, которые хранятся в собраниях МАЭ, отсутствует еще одна подвеска — пороховница, о которой упоминают в своих описаниях казах-

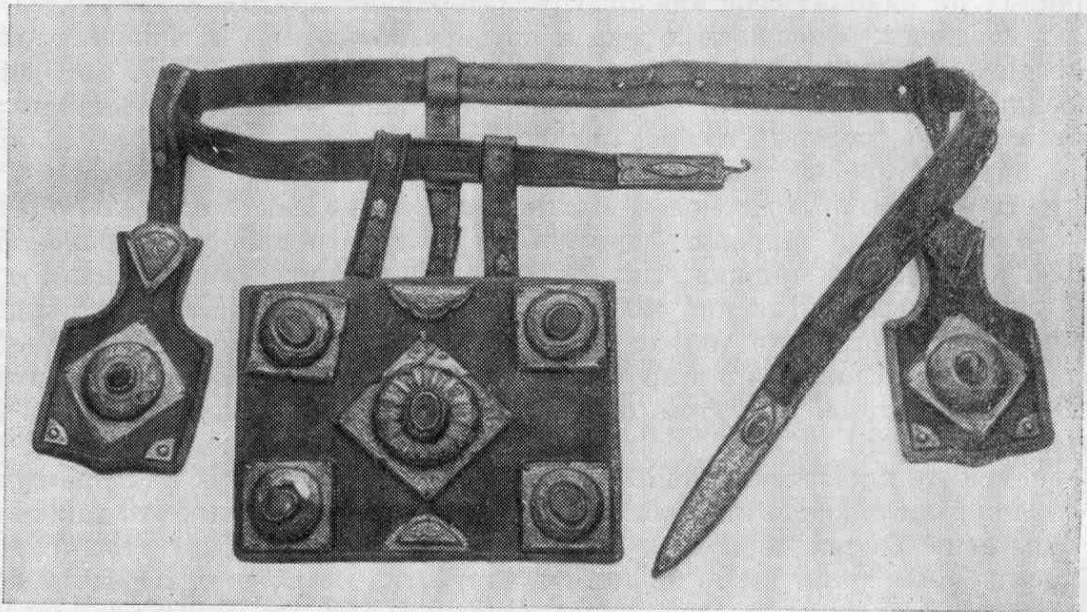

Рис. 5. Пояс с набором подвесок и ножнами для ножа (№ 439-15).

ских поясов ряд исследователей. Так, И. Муравин и Д. В. Гладышев писали: «...а на оных поясах набиты железные бляшки, и к бляшкам прибиты кожаные сумки для кладки пуль и лялунка для пороха, на оных бляшках одни ремешки и большая сумка, в которую кладут кремни к огниву и прочее, что им нужно...»³⁶ Ч. Ч. Валиханов пишет, что «прикреплен (к поясу. — В. К.) мешок в виде пирога, в котором хранятся огниво, камень, запасной фитиль, сало для смазки ружья и роговая пороховница для фитиля, сзади пороховницы, а с правой стороны* — два мешочка для пуль и нож»; в пояснении к своему рисунку охотничьего пояса он указывает: «1 — сумка (kise), 2 — фляжка (кuty), 3 — патронташ (оқшантай), 4 — ножны (кын)».³⁷

Наиболее полное описание принадлежностей казахских мужских кожаных ремней дано в работе И. В. Захаровой и Р. Д. Ходжаевой, поэтому приведем его полностью. «Kise (пояс. — В. К.) имел специальные кожаные подвески, прочно прикрепленные на ремешках из такой же кожи. Их расположение и форма были совершенно однотипны, что говорит о древности этого типа пояса. Справа на двух-трех ремешках подвешивалась сумка (қалта или kise) полукруглой формы с клапаном-крышкой, в которой хранилось огниво, камень, запасной фитиль, сало для смазки ружья и роговая пороховница. С другой стороны прикреплялись два мешочка для пуль, овальной или грушевидной

³⁵ Захарова И. В., Ходжаева Р. Д. Казахская национальная одежда. С. 134.

³⁶ Гладышев И., Муравин Д. В. Поездка из Орска в Хиву... С. 68.

³⁷ Валиханов Ч. Ч. Вооружение киргиз... С. 39.

* Автор, очевидно, перепутал стороны пояса, на которых находятся сумка и мешочки для пуль и нож, о чем и указано в примеч. 12 издателями работ Ч. Ч. Валиханова.

формы (оқшонтай) и кожаные ножны (қын). Сзади подвешивалась пороховница (қуты)». ³⁸

Изучаемые нами пояса из МАЭ соответствуют этому описанию, поэтому нам остается только остановиться на незначительных отклонениях от него (помимо тех, о которых уже сказали), а также некоторых дополнениях. Так, у одного из поясов МАЭ (№ 439-14) в отличие от всех других, а также приведенного описания ремешки, на которых держатся подвески (сумка, 2 патронташа и ножны), переходят в петли, свободно движущиеся на основном ремешке. Сумка одного из поясов (№ 439-15) — четырехугольная в отличие от типичной полукруглой формы или, как образно написал Ч. Ч. Валиханов, «в виде пирога», а у другого (№ 493-8), как сказано в описи, «имеет форму вытянутого пятиугольника». Однако самое главное дополнение состоит в том, что у ряда поясов сумка из двух отделений: меньшего — внутреннего и большего — наружного (№ 438-4; 493-8; 493-14). И. В. Захарова и Р. Д. Ходжаева совершенно справедливо отмечали древность происхождения поясов с подвесками. ³⁹ Уже на многих древнетюркских изваяниях с поясом видно, что к нему с правой стороны подвешен круглый предмет — мешочек для хранения всякой мелочи. ⁴⁰

Археологические параллели из инвентаря кургана I, раскопанного в урочище Тадила на Алтае (Курайская степь), показывают, что по сути дела было два мешочка: внутренний и наружный, как и у казахских поясов. Наружный делали как из материи (китайского шелка), так и из кожи. ⁴¹ «Любопытно, что такие мешочки на поясах были отмечены в 1253 г. голландцем Вильгельмом Рубруком у команов-кипчаков. Он же записал, что эти мешочки назывались „каптаргак“». ⁴² «Традиция изготовления мешочков, — пишет А. Д. Грач, — оказалась весьма живучей. Л. П. Потапов наблюдал у алтайцев-охотников такие сумки, сделанные из кожи и имевшие, подобно древним прототипам, полукруглую форму. Алтайские названия этих сумочек — каптарга». ⁴³ Наш материал еще раз подтверждает вывод А. Д. Грача об устойчивости сохранения поясных сумок, в данном случае — у казахов.

С другой стороны, у одного пояса (№ 403-10) только имитация сумки и мешочка для пуль. Имитацией являются также два фигурно вырезанных украшения, повторяющие по форме мешочки для пуль у другого пояса (№ 439-14). Эти предметы потеряли свое утилитарное назначение и служат только как украшения пояса, из чего можно заключить, что данные два пояса были сделаны довольно поздно. О позднем изготовлении, по-видимому, свидетельствует вообще отсутствие на поясах всяких подвесок (№ 403-8; 1287-19). «К середине XIX в. в связи с изменением казахского быта изменяется форма кісе, постепенно исчезает необходимость в поясе с подвесками. Кісе начинает выполнять чисто декоративную роль. . . В это же время появляются кожаные пояса без подвесок, но такие же по форме и размерам и с металлическими бляхами (белдік, куміс белдік, кемер белдік). Старинный кісе все больше превращается в парадный пояс, и в связи с этим пояса, сделанные в конце XIX — начале XX в., отличаются обилием украшений в виде бляшек, аппликаций и т. д.» ⁴⁴

Перейдем теперь к украшениям казахских мужских кожаных поясов. Наиболее богато украшенным является пояс № 439-15: во-первых, сам поясной ремень во всю длину украшен четырьмя тисненными продольными линиями; во-вторых, он украшен также бляхами различной формы и отделки (рис. 1, 4). Рассмотрим их подробнее. Правый конец ремня пояса заканчивается серебряной бляшкой с крючком для застегивания пояса. Эта бляха продолговатой формы

³⁸ Захарова И. В., Ходжаева Р. Д. Казахская национальная одежда. С. 56, 57.

³⁹ Там же. С. 56.

⁴⁰ Грач А. Д. Древнетюркские изваяния Тувы. С. 65; Шер Я. А. Каменные изваяния Семиречья. Прилож., № 1, 5, 8, 11, 16, 17, 20 и др. С. 75—79, 81—84.

⁴¹ Евтюхова Л. А., Киселев С. В. Отчет о работе Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 г. // Тр. ГИМ. 1951. С. 541, табл. 2.

⁴² Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957. С. 96.

⁴³ Грач А. Д. Древнетюркские изваяния Тувы. С. 65, 66.

⁴⁴ Захарова И. В., Ходжаева Р. Д. Казахская национальная одежда. С. 58, 59.

прикреплена к коже гвоздиками, покрыта чернью и гравированным орнаментом в виде стилизованного цветка; на бляхе выгравировано арабским шрифтом, очевидно, имя первого владельца пояса — «Кадырбай». Справа налево по поясу идут: бляха серебряная с чернью (размер 3.5×3 см); она имеет форму четырехлисткового цветка, слегка продолговатую с наложенным сверху в центре цветком меньших размеров; вся бляха украшена гравированным орнаментом. Затем идет серебряная бляха шестилепестковая (размер тот же) с гравированным линейным орнаментом и вставленным в центре в оправу крупным сердоликом. Далее — две позолоченные серебряные бляхи ромбовидной формы. В центре пояса прикреплены гвоздиками, как и все остальное, рельефные изображения четырехлепесткового цветка (размер 3.8×3 см), украшенного штриховым орнаментом. На ремне пояса есть еще четыре серебряные бляхи (размер 5×3.1 см) в форме листа с округлыми фигурными краями. Они украшены с помощью гравировки и чеканки стилизованным растительным узором. И наконец, три серебряные бляхи позолочены и окаймлены сканью, имеют штриховой и растительный орнаменты. Левый конец поясного ремня заканчивается позолоченной серебряной пластинкой со стилизованным растительным орнаментом и сердоликом в оправе.

Богато украшены также бляхами сумка, мешочки для пуль и ножны пояса. По четырем углам клапана сумки расположены четыре бляхи, в центре их в оправе — сердолик (размеры каждой бляхи 7×7 см). Бляха большого размера (14×14 см) в виде ромба расположена в центре клапана сумки, причем выпуклая часть ее сделана в виде цветка, в центре которого помещен большой сердолик в двойной оправе. Края сумки обшиты зеленой шагреновой кожей.

Сумка держится на ремне пояса с помощью двух ремешков, которые также обшиты шагренью и украшены небольшими металлическими бляшками, расположенными впрыток друг к другу. Их должно быть по пять на каждом ремешке сумки, на одном потеряна одна, на другом — две бляшки. Ремешки плотно закреплены на ремennom поясе гвоздиками с большими в виде круглых блях шляпками (один потерян).

На таких же ремешках с шестью маленькими бляшками подвешены к поясу два мешочка для пуль (рис. 5), которые по краям также обшиты зеленой шагреновой кожей и с наружной стороны украшены различными по форме и размерам бляхами. Так, посередине каждого мешочка — бляха в виде ромба с сердоликом в центре. Круглая объемная пластина, на которой укреплен сердолик, гравирована и отделена чеканкой. В нижних частях мешочков по два металлических украшения в виде треугольников.

Ножны держатся на поясе с помощью ремешка с пятью маленькими металлическими бляшками. Верх ножен из кожи украшен фигурным металлическим ободком с чернью и гравировкой и надписью на арабском языке имени мастера — «Киншинебай уста». Нижний конец ножен обшит зеленой шагреновой кожей и заканчивается пришитым куском овальной кожи, на которой прикреплена серебряная пластинка такой же формы с узором и надпись арабским шрифтом, указывающая год изготовления пояса (1169 год Хиджры — 1755/56 г. нашего летоисчисления), время, затраченное на его изготовление (63 дня), и его цену (300 р.). В описи сказано, что подписи прочитаны и переведены казахом Джанали Реимбетовым. Мы постарались прочесть эти надписи заново и получили разночтения. Так, имя владельца пояса, указанное на бляхе с крючком, Дж. Реимбетов прочитал как «Кадырдыбай», а мы — «Кадырбай»; мастера — как «уста Кенешибай», а мы — «Киншинебай уста».

В заключение описания этого пояса добавим, что в его коллекционной описи сказано: «Такой пояс носили еще в середине XIX века и одевали обычно богатые люди и батыры поверх халата. По данным собирателя этот пояс принадлежал брату султана Кенесары».⁴⁵

Как мы уже говорили, это наиболее богато украшенный экземпляр из всех поясов, имеющихся в нашем распоряжении. Два пояса вообще не имеют де-

⁴⁵ МАЭ, оп. № 439-15.

коративных бляшек, а в качестве украшений на одном (№ 438-3) вдоль всей длины идут по две тисненых линии. Ножны украшены изящным растительным орнаментом, нанесенным тиснением. Нижний конец их заканчивается кисточкой из тонких кожаных ремешков. Другой пояс (№ 439-14) без бляшек также украшен тиснением. Вдоль всего поясного ремня идут линии и выдавлены четыре группы мелких кружочков. Клапан сумки пояса украшен тиснением растительным и геометрическим орнаментом. Кроме этого, у него вырезаны треугольники, под которые подложены кусочки красной и зеленой кожи и парчи. Края клапана обшиты зеленой шагренью. Две фигурно вырезанные подвески, имитирующие мешочки для пуль и дробы, также украшены стилизованным растительным и геометрическим орнаментом. На них тоже есть две вырезки в форме традиционного миндаля со вставками из шагреновой кожи. На поясе № 403-8 — тисненый растительный и геометрический орнамент. На правом конце два узких ремешка заканчиваются медными накладками с пряжками, как и два таких же ремешка слева. На этих четырех накладках выгравирован стилизованный растительный орнамент. У других трех поясов бляхи находятся только в местах закрепления на поясном наборе ремешков сумки и других подвесок, т. е. они выполняют не только декоративную, но и утилитарную функцию. Однако клапан сумки одного из этих поясов (№ 403-9) украшен большой узорной серебряной бляхой по центру и маленькими бляхами-звездочками по краям. Такие же украшения на мешочке для пуль. У другого пояса (№ 438-4) сумка, мешочки для пуль и дробы и ножны украшены тиснением по коже, отделаны зеленой шагренью. У пояса № 403-8 крючок для застежки с правой стороны пояса и левый конец его украшены металлическими пластинками с гравированным стилизовано-растительным орнаментом. На клапане сумки — большая металлическая бляшка с овальным выпуклым украшением, в середине которого выгравированы арабские цифры. По-видимому, это поставлена дата изготовления пояса, которая в годах европейского летосчисления соответствует 1793 г.

Наконец, у остальных трех поясов (№ 403-10, 11; 1287-19) большое разнообразие как количества блях, так и их расположения на ремне, их формы и размеров, причем они бывают неодинаковыми даже на одном ремне. Так, у пояса № 403-10 имеется 25 блях в виде цветков-розеток, с левой стороны пояса более вытянутых; на другом поясе (№ 1287-19) семь блях подквадратной формы, причем пять из них с сердоликами в оправе, а остальные шесть — более узкие. Все бляхи укреплены на ремне гвоздями с широкими шляпками, которые сами по себе являются элементом украшения. Бляхи подквадратной формы с фигурными краями, украшены сложным растительным орнаментом путем серебряной насечки. На пластинке, переходящей в крючок для застежки, нанесено насечкой украшение и слово арабскими буквами, очевидно, имя владельца пояса (прочсть его, к сожалению, невозможно, так как часть надписи попала под укрепление крючка). На обоих концах пояса — по одной металлической петле, свободнодвигающихся на ремне, на которые серебряной насечкой нанесен сложный растительный орнамент.

По мнению И. В. Захаровой и Р. Д. Ходжаевой, «металлические бляхи на лицевой части пояса предохраняли его от износа. Бляхи прикреплялись и у ремешков подвесок, но, кроме того, они имели декоративное значение».⁴⁶ Эти авторы также считают, что с середины XIX в. в связи с изменениями казахского быта исчезает необходимость в поясе с подвесками, они начинают выполнять чисто декоративную роль, появляются поясные наборы, отличающиеся обилием украшений в виде бляшек, аппликаций и т. д.⁴⁷ Все это бесспорно, однако нельзя не учитывать, что бляшки на поясах — не только дань украшению, но и традиции, уходящей в глубь веков.

Сейчас трудно сказать о времени появления наборных поясов, да это и не наша задача. По крайней мере уже в скифское время многие пояса были на-

⁴⁶ Захарова И. В., Ходжаева Р. Д. Казахская национальная одежда. С. 58.

⁴⁷ Там же. С. 58, 59.

борные, т. е. имели бляшки.⁴⁸ По мнению исследователей, мужские наборные пояса не только выполняли утилитарные функции, т. е. закрепляли одежду, но и указывали на социальное положение их владельца. С. А. Плетнева пишет по этому поводу: «Выводы, к которым пришли исследователи (в отношении поясов. — В. К.), состоят в следующем: 1. Несмотря на общую моду на пояса, распространившуюся среди кочевых и даже соседних оседлых народов, формы и орнаментация бляшек и пряжек позволяют выделить локальные варианты различных типов этих изделий и определить несколько центров их производства: Сибирь, Поволжье, Крым, Северный Кавказ и др. (в период IV—VII вв. н. э. — В. К.). 2. Каждый кочевник, ставший воином, носил специальный „боевой“ пояс. . . 3. Количество бляшек на поясе зависело от общественного положения воина: чем знатнее он был, тем больше имел бляшек на поясе. 4. Особое значение при этом придавалось конечным длинным бляшкам — „наконечникам“, свисавшим с пояса. 5. Бляшки и пряжки каждого пояса были одинаковой формы, и их поверхность украшал одинаковый орнамент».⁴⁹ Итак, когда-то для определения социального положения владельца пояса имело значение не только количество бляшек, но их форма, сочетание бляшек различных типов и их орнаментация. Однако со временем один за другим эти показатели утрачивали роль. Так, уже в салтово-маяцкой культуре (VIII—IX вв. н. э.) бляшки могли быть различной формы и типа, оставалось важным лишь их количество на поясе.⁵⁰ Надо полагать, что и количество бляшек на казахских мужских кожаных ремнях со временем потеряло значение, осталось лишь смутное представление о том, что чем больше было бляшек на поясе, тем выше было социальное положение кочевника (это удачно сочеталось с представлением о богатом украшении поясного набора).

Определенную семантическую нагрузку издавна несли не только накладки в виде бляшек, их орнамент и количество, но и само опоясывание одежды, в том числе и с помощью кожаного наборного пояса. Так, крупнейший специалист по истории одежды народов Средней Азии О. А. Сухарева пишет: «Опоясывание верхней одежды символизировало готовность к служению, к действию. Об этом говорит широко распространенное метафорическое выражение: „Камар ба хизмат бастан“ (подпоясаться на служение). Таков был смысл опоясывания в культовых действиях и в древности. Мы видим, например, опоясанных мужчин на стенных росписях Балалык-тепе, изображающих совершение какого-то ритуала. Готовность к профессиональному труду означало опоясывание ученика ремесленника во время ритуала посвящения его в мастера. При дворе Бухарского эмира бухарские сановники носили пояса с ювелирными пряжками и обоймами в то время, когда находились при исполнении своих обязанностей. В X в. Наршахи, описывая Бухару перед арабским завоеванием, упоминает юношей из знатных семей, которые группами, по определенной для них очереди являлись к правительнице Бухары в одежде с золотыми поясами. В средневековых миниатюрах опоясанными изображаются воины и служители. Халаты правителя и духовных лиц свободно распущены. Не подпоясан Тимур, выезжающий на войну, в то время как сопровождающие его лучники и идущий впереди музыкант опоясаны кушаками».⁵¹ К бесспорному утверждению автора, что «конечно, символическое опоясывание, примеры которого приведены выше, явление вторичное, первоначально оно имело практическое значение; распущенные полы одежды мешали свободе движений»,⁵² остается добавить, что это вторичное значение возникло очень давно. Однако, как нам кажется, этому предшествовало опоясывание как один из символов перехода из одного возрастного класса в дру-

⁴⁸ Манцевич А. П. О скифских поясах // СА. 1941. Т. 7. С. 27; Акишев К. А. Курганы Иссык. С. 50; Распопова В. И. Поясной набор согда. . .; Грач А. Д. Древнетюркские изваяния Тувы. С. 64, 65, и др.

⁴⁹ Плетнева С. А. От кочевий к городам. С. 161.

⁵⁰ Там же. С. 165, 166.

⁵¹ Сухарева О. А. История среднеазиатского костюма: Самарканд (2-я половина XIX—начало XX в.). М., 1982. С. 65.

⁵² Там же.

гой, о чем свидетельствуют материалы, которыми располагает М. В. Сазонова по узбекам Хорезма. Она сообщает, что пояс повязывался мальчику-подростку в 12—15 лет вместе с ножом и ножнами, причем этот пояс дарил отец «на всю жизнь». Со времени подпоясывания мальчика «считалось, что он из ребенка — *ешбала* или *еш таудак* становился *ишгитом*, т. е. это означало один из моментов, отмечавших переход в следующую половозрастную группу. . . После этого подросток в большой неразделенной семье имел право есть вместе с мужчинами и спать со стариками в мужской части дома. Раньше при этом устраивали той, резали барана и приглашали элат (община). Это было вхождение в элат нового члена». ⁵³ О. А. Сухарева также сообщает, что богато украшенные пояса делали в Бухаре мальчикам к празднику обрезания. ⁵⁴ Далее, М. В. Сазонова сообщает, что «поясу предназначалось особое место в обряде, сопровождавшем переход неженатых мужчин в следующую половозрастную группу, в свадебном обряде хорезмских узбеков». И наконец, «поясу отводилось место и в погребальном обряде узбеков южного Хорезма. . . Поверх савана на покойном завязывали пояс. . . Этот пояс снимали с покойного тогда, когда его укладывали в могилу». ⁵⁵ В измененной форме это обозначение горя, как отмечает О. А. Сухарева, сохранилось у всех узбеков. «Он (пояс, кушак, опоясанный поверх халата. — В. К.) был знаком скорби в похоронном костюме». ⁵⁶

К сожалению, мы в настоящее время не располагаем сведениями об упомянутых выше функциональных значениях пояса у казахов. Однако по сообщениям авторов XVIII—XIX вв. казахский мужской поясной набор был обязательной принадлежностью одежды казаха-скотовода, воина и охотника. ⁵⁷ Ч. Ч. Валиханов сообщает, что пояса «носили все киргизы (казахи. — В. К.) без исключения». ⁵⁸

В заключение отметим, что поясные наборы, подобные казахским мужским кожаным поясам, бытовали у каракалпаков, киргизов, алтайцев, монголов и многих других народов, которые вели в прошлом в основном кочевой образ жизни.

⁵³ Задыкина К. Л., Сазонова М. В. Мужская одежда узбеков Хорезма // Арх. авт. С. 64, 65.

⁵⁴ Сухарева О. А. Позднефеодальный город Бухара конца XIX—начала XX в. Ташкент, 1962. С. 115.

⁵⁵ Задыкина К. Л., Сазонова М. В. Мужская одежда узбеков. . . С. 69, 71.

⁵⁶ Сухарева О. А. История среднеазиатского костюма. С. 65.

⁵⁷ Небольсин П. И. Очерки Волжского низовья. Спб., 1852. С. 169; Левшин А. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей // Этногр. изв. Спб., 1832. Ч. 3. С. 43.

⁵⁸ Валиханов Ч. Ч. Вооружение киргиз. . . С. 39.